

АВРААМІЙ ПАЛИЦЫНЪ.

RECEIVED

~~15703~~
~~CS~~

2

059
55

КЕЛАРЬ
ТРОИЦКО-СЕРГІЕВСКОЙ ЛАВРЫ
АВРААМІЙ ПАЛИЦЫНЪ,
ЗНАМЕНИТЫЙ ДѢЯТЕЛЬ, СПОДВИЖНИКЪ И ЗАЩИТНИКЪ
РУССКОЙ ЗЕМЛИ
ВЪ МРАЧНУЮ ЭПОХУ САМОЗВАНЦЕВЪ.
(1608 — 1612 г.)

Сочин. А. С.

Больше сея любве нѣсть, еже
душу свою положить за други
своя.

Слова Спасителя.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙЯ.

1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 2 Декабря 1849 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

2010516314

Эта статья—отрывокъ изъ большаго сочиненія: *Осада Троицкой Лавры*, которое выйдетъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

Издат.

Доброму Другу

Андрею Ивановичу

СЕРВИНОВУ,

Посвящаетъ Авторъ

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ!

Случай свелъ меня съ Вами на самое короткое время, — но для меня это время будетъ незабвенно! Сколько счастливыхъ часовъ провелъ я беспдую съ Вами, и какъ много добраго и истинно поучительнаго почерпнулъ я изъ этихъ бесѣдъ и для головы моей, и для сердца!

Но — вотъ мы разстались съ Вами и на весьма далекое разстояніе. Увидимся ли опять? Богу извѣстно! — чѣмъ-же откликнусь я издалека на вашу дружбу, искренность и радушіе? — Чѣмъ — кромь душевнаго воспоминанія о Вашемъ прекраснодушіи, мой любезный другъ?!

Облекая эту брошурку въ залогъ моей къ вамъ Истинной дружбы, — прошу Васъ постоянно вприть моему искреннему къ вамъ уваженію.

А. С.

С. Петербургъ.

III — 14 — 1850.

Глава I.

Достопримѣчательнымъ и незабвеннымъ дѣятелемъ на защиту Русской земли въ мрачную эпоху самозванцевъ въ 1608 — 1612 г. былъ дворянинъ Аверкій Ивановичъ Палицынъ, въ монашествѣ—Авраамій*,—и по ревностному участію, которое онъ принималъ во всѣхъ важнѣйшихъ происшествіяхъ смутнаго времени, и потому, что онъ, какъ единствен-

(*) Въ 1588-мъ году, въ Царствованіе Феодора Иоанновича, дворянинъ Аверкій Палицынъ подвергся опалѣ: — все имущество его отобрано въ казну; самъ-же онъ сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и постригся. Въ 1600-мъ году, Царь Борисъ Годуновъ сложилъ съ него опалу, и Палицынъ съ другими Соловецкими монахами былъ присланъ въ Троицкую Лавру.

ный повѣствователь тогдaшняго времени, оставилъ намъ описаніе осады Лавры; — это не исторія, какъ привыкли до сихъ поръ принимать его наши ученые, — это скорѣе памятные записки умнаго и краснорѣчиваго человѣка тогдaшняго времени.

Въ сказаніи объ осадѣ Лавры могутъ встрѣчаться невѣрности, недостатки и даже, быть можетъ, несправедливость, — потому что Палицынъ, какъ хитрый и умный дипломатъ, долженъ былъ, согласуясь съ обычаями своего времени, угождать его направленію и духу. Историкамъ нынѣшняго времени достается завидная участь — разобрать критически сочиненіе Палицына, очистить его отъ недостатковъ, которые невольно, быть можетъ, закрались въ это сочиненіе, — и пополнить его недостатки данными, которыя заключаются въ Собраніи Государственныхъ грамотъ, въ Актахъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею; Актахъ Историческихъ и проч.; но перечитавъ внимательно сочиненіе Палицына, вы увидите, что онъ и самъ никогда не думалъ возводить своихъ келейныхъ записокъ въ исторію; — „сію книжицу прочитающе — говоритъ онъ — *примите якожеъ хотите; менежеъ недостойнаго и не наказаннаго не возненавидите, не поносите. Въмъ убо во истинну, яко сія предлежащая вещь требоваше краткихъ словесъ, множайша жеъ разума, азъ-жеъ изложихъ, елико возмогахъ, умаленіемъ си смысла ибо и училища николи-жеъ видѣхъ.*“ (1) Въ другомъ мѣстѣ (2) онъ говоритъ, что боялся и не смѣлъ писать о такомъ важномъ событіи, гдѣ постоянно видѣлъ дѣйствіе и заступленіе

(1) Смотри Послѣсловіе въ Сказ. Палицына.

(2) 7-я глава Сказ. Палицына. —

Пресвятая Троицы и Преподобнаго Сергія и „на мнозь отлагалъ писаніемъ возвьстити Божіе заступленіе Св. обителі, но понеже къ старости глубоцый уже преклонихся и не щевалъ быти скорому отложенію тѣлеси моего, убо-лхся казни раба онаго, скрившаго сребро Господина своего и прикупа имъ не сотворша.“ —

Изъ этихъ строкъ видно, что онъ писалъ свою повѣсть по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ осады, и писалъ болѣе по воспоминанію, а воспоминаніе прихотливо и не всегда дружится съ прошедшимъ.

Да и самое положеніе этого Государственнаго, свѣтлаго, зоркаго, дальновиднаго ума, имѣвшаго сильное вліяніе на тогдашнюю эпоху, слѣдовательно весьма озабоченнаго, не давало ему времени, еслибъ онъ и захотѣлъ, заняться вѣрными и добросовѣстнѣйшимъ исполненіемъ описанія знаменитой осады Лавры. —

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій безъ совѣта келаря Палицына не предпринималъ почти ничего. *Тогда же давъ Богъ совѣтъ благъ Царю и Святителю, и никому же узвѣдавше смысла ихъ, что ради се бысть, призываютъ убо инока Авраамія, келаря Троицкаго монастыря, рекше: се Аврааміе, зриши, колікъ народъ голодомъ погибаетъ и неволю прилагается ко врагамъ, не илуще потребъ осадныхъ; ты же сотвори, како же восхоцеши на пользу имъ. И извезе келарь житъ изъ житницъ Чудотворцовыхъ, и продаде отъ сихъ на купилщю всенародномъ малѣйшею цѣною.*

Въ доказательство-же-какъ Царь Шуйскій уважалъ и цѣнилъ прозорливый и обширный умъ Палицына, какъ достой-

наго своего совѣтника и сподвижника, — довольно привести одного дѣла Палицына съ двоюроднымъ братомъ его Иваномъ Палицынымъ(*), гдѣ Царь Василій Ивановичъ, изъ уваженія къ уму и заслугамъ Палицына, сдѣлалъ отступленіе отъ закона—въ явную противность и Судебнику, и Соборному постановленію Царскому, въ пользу Палицына и оказалъ ему двойную милость.

Пользуясь милостями Царя, Палицынъ умѣлъ привязать и расположить къ себѣ и бояръ, и воеводъ, и весь монашескій старшій чинъ; всѣ относились къ нему за совѣтами и съ просьбами, — *„И любляху келаря Авраамія вси и Архимандритъ, и воеводы, вѣдаше умъ его и видяще въ немъ благаго совѣтника Царева,“*(¹) —

Когда усилилась болѣзнь въ Лаврѣ *„воеводы быша въ недоумльнн, что сотворити и тако совѣтоваше со Архимандритомъ Юасафомъ, и съ старцы, посылаютъ къ царствующему граду(²) къ келарю Авраамію, просяще совѣту.“*(³)

Долгорукій, зная о чрезмѣрномъ вліяніи и доступѣ Палицына къ Царю Шуйскому, вотъ какъ пишетъ къ смиренному черноризцу, желая чрезъ него, вѣроятно, тайно дѣйствовать на Царя: *„Святыхъ, Живоначальныхъ Троицы-Сергіева монастыря, вышъ — естественному и равноангельскому житію,*

(*) См. Москвитянинъ, Журналъ издаваемый Профессоромъ Погодинымъ. 1841 года, № 9-й стр. 219.

(¹) Записки Генералъ-Майора А. Б. Палицына, потомка Авраамія Палицына. — Жаль, что онѣ не напечатаны.

(²) Палицынъ жилъ почти во все время Троицкой осады въ Москвѣ, въ Богоявленскомъ монастырѣ, что на Никольской улицѣ, основанномъ Святителемъ и Чудотворцемъ Московскимъ Алексіемъ.

(³) Историч. Акты Ч. II. стр. 97.

честну и душелюбиву и почитенному отъ Бога Авраамлею добротою, великому Господину старцу, келарю Авраамію, о Христь радоватися. Григорей Долгорукой челомъ бьетъ: Пожалуй, Государь, старецъ Аврамей, пиши ко мнѣ о своемъ благомъ пребываніи и о тѣлесномъ здравіи, какъ тебя великаго моего Господина Богъ милуетъ⁽⁴⁾ и проч.

Народъ, зная дѣйствія старца Авраамія на пользу отечества, видѣлъ въ немъ избранника Божія, посланнаго на спасеніе Россіи, и вѣрилъ ему, и любилъ его; „и стекашеся скорбнии люди ко старцу Авраамію и испрашиваше его молитвъ и благословеній, и утѣшася на мало время.⁽⁵⁾“

Изъ всего этого видно, какой геніальный человекъ былъ Палицынъ, и какого великаго дѣятеля имѣла Россія въ чудесной семьѣ своихъ спасителей въ несчастное для нея время 1608–1612 г.

Повѣствованіе Палицына объ осадѣ Лавры и по содержанію, и по способу изложенія, всего приличнѣе назвать духовно-народною эпопеею, которой главная, видимая цѣль—прославленіе чудеснаго избавленія Лавры и вообще Россіи, представительствомъ преподобныхъ отцевъ Сергія и Никона. Главная мысль въ описаніи осады та, что обитель избавлена была отъ враговъ чудеснымъ заступленіемъ Преподобнаго Сергія, покровителя ея, которымъ „не ратники охрабришася и невъжды, и никогда же обычая ратныхъ видѣвшии, и—тѣи испомилскою крѣпостію препоясашася.^(*)“ Въ слѣдствіе этой же мысли, сказаніе келаря наполнено описаніемъ чудесъ и

(4) Тамъ же стр. 287.

(5) Рукопись о мятежахъ, принадлеж. Графу Толстому. —

(*) Лѣтоп. Палиц. стран. 129.

явленій, которыя составляютъ столь существенную часть сказанія, что ихъ не возможно устранить, не исказивъ совершенно характера сочиненія Авраамія.

Далѣе въ сочиненіи Палицына, гдѣ только виденъ успѣхъ въ сраженіи и подвиги храбрости, богатырства и самоотверженія,—дѣйствующими лицами являются иноки, монастырскіе служители и крестьяне. И это весьма вѣроятно, потому что въ то смутное время, кромѣ избранныхъ и назначенныхъ Богомъ на защиту Христіанской земли Скопиныхъ, Пожарскихъ, Мининыхъ, Трубецкихъ и Ляпуновыхъ, остальное все было очень *обыкновенно*, чтобъ не сказать болѣе.... тогда какъ народъ, поддерживаемый религіею, воодушевляемый чудесами преподобнаго Сергія—съ величайшимъ самоотверженіемъ, безъ умствованій преданный Царю и отечеству, горѣвшій нетерпѣніемъ умереть, но защищать свою родимую землю—*клялъ головы съмо и овамо...* А чтобы возбудить духъ Рыцарства и самоотверженія въ Русскомъ человѣкѣ, надобно было и дѣйствовать согласно съ его духомъ, и Палицынъ, умѣвшій дѣйствовать въ духѣ бояръ и народа, не находилъ лучшаго средства—*какъ сблизиться* съ требованіемъ народнымъ, съ его убѣжденіями, и какъ можно болѣе поддерживать ихъ,—а потому—то, принаравливаясь къ духу и выраженіямъ народнымъ, онъ Сапегу съ Лисовскимъ называетъ „*съмля еретично и Лютери Окаяннѣи*“; а о разстригѣ говорить, что онъ далъ слово клятвенное передаться на вѣки къ врагамъ Христова исповѣданія и привести всю Россію къ причастію хлѣба опрѣсочнаго, или всѣхъ предать страшнымъ мученіямъ и смерти.

Присвоивъ своему сочиненію характеръ эпическій, Палицынъ украсилъ его эпизодами и картинами, въ которыхъ

изображалъ чертами рѣзкими и сильными неистовства враговъ и измѣнниковъ, а равно и бѣдствія отечества: голодъ при Годуновѣ, моръ во время осады, раззореніе Москвы; чудесное избавленіе Лавры и Россіи отъ Ляховъ съ искреннимъ вѣрованіемъ, покорностью и безъ всякихъ сомнѣній предоставилъ заступленію Пресвятой Троицы и Препод. Сергія и заключилъ свою поэму избраніемъ на Царство Михаила Феодоровича Романова.

Если въ сочиненіи келаря и найдется нѣсколько предметовъ, оставленныхъ имъ безъ вниманія, если онъ и допустилъ вѣроятно отъ недостатка изслѣдованій — Анахронизмы, если и представилъ нѣкоторыя событія въ превратномъ видѣ, то должно вспомнить, что онъ и самъ говоритъ: „азъ же изложихъ, елико возмогахъ, умаленіемъ си смысла, ибо и училища николиже видѣхъ,“ и что онъ писалъ свое сказаніе о Лаврѣ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ осады Лавры, когда память ему уже измѣняла.

И между тѣмъ, не смотря на скромность Палицына, что онъ свое сказаніе „изложихъ елико возмогахъ, умаленіемъ си смысла“, должно отдать справедливость и языку его, который краснорѣчивѣе, и обработкѣ, которая гораздо тщательнѣе современныхъ сказанію произведеній (рукописи Филарета, изд. въ Москвѣ въ 1837 году, и лѣтописи, составляющей 8-ю часть Никоновской). Въ Авторѣ замѣтно изученіе Священнаго писанія и начитанность — какъ видно изъ сравненія Князя Скопина съ Греческими Героями. Видны свѣденія въ Географіи: онъ упоминаетъ о „Европѣ, четвертая часть вселенныя“. Мѣстами замѣтны даже порывы стихотворства, папримѣръ:

Хотящии домъ Пресвятыя Троицы гордостно низложити
осадою,

Всегда обагрями кровьюми, бѣгають отъ немощныхъ низ-
лагаемы подсадою,

И ждуще пріяти различныя муки,

Въ руки свои пріяша крѣпкіе луки,

И лѣнны быша къ жерновомъ востающии мѣлцы,

Внезапу быша на супротивныхъ удалые стрѣльцы (1).

И такъ далѣе.

Сказаніе объ осадѣ Лавры келаря Палицына заключаетъ
въ себѣ 86 главъ (2), Въ первыхъ шести главахъ описаны
вкратцѣ царствованія: Федора Іоанновича, Бориса Годунова,
Лжедимитрія и Шуйскаго—до осады Лавры. Съ седьмой гла-
вы начинается повѣствованіе объ осадѣ Троицкаго Монасты-
ря и продолжается до 57-й главы, въ которой заключает-
ся благодарственное слово Преподобнымъ Сергію и Никону.
Въ остальныхъ-же главахъ описаны происшествія послѣ оса-
ды Лавры: избраніе Царя Михаила Федоровича, нашествіе
Владислава, заключеніе мира въ Троицкой деревнѣ *Девулинь*
и построеніе тамъ церкви во имя Преподобнаго Сергія,—
*„идѣже мирное поставленіе бысть промезѣ обою Госу-
дарствъ Московскимъ и Польскимъ“*. Церковь эта освящена
Архимандритомъ Діонисіемъ со освященнымъ соборомъ въ лѣ-
то 7128—1619 Декабря 15 дня (3). Тѣмъ и *оканчивается*
сочиненіе Палицына.

(1) Лѣтоп. Палицына, стр. 175.

(2) Первое изданіе печатано въ Москвѣ въ 1784-мъ году; второе—въ
Москвѣ же въ 1822-мъ году.

(3) Палицынъ стр. 281.

АВРААМІЙ ПАЛИЦЫНЪ (*).

Разновидецъ жизни пиръ,
И мелькаетъ намъ тѣнями,
Въ суетахъ волнуясь миръ,
Исчезаютъ дни за днями,
Какъ на морѣ слѣды ладн,
Вѣкъ нашъ перемѣнъ свидѣтель,
Но угаснуть ли твои
Здѣсь лучи, о добродѣтель?

Нѣтъ, какъ небо падъ тобой
Свѣтитъ вѣчными звѣздами,
Такъ безсмертной красотой
Неизмѣнная предъ нами
Ты проникнешь тьму вѣковъ;
Ты свѣтильникъ путеводный,
Въ бурю жизненныхъ валовъ
Кажешь къ небу путь свободный.

И воздвигнутый тобой
Храмъ незыблемъ въ основаньи,
Крестоносною главою
Блещетъ въ солнечномъ сіяньи,
Надъ землею подьметъ верхъ
Домъ Господень златоглавый,
Онъ спасенія ковчегъ,
Онъ обитель Божьей славы.

(*) Это стихотвореніе было помѣщено въ Журналѣ: *Малкъ*.

Недоступна ты врагамъ
Святотроицкая Лавра!
Ханъ рвался къ твоимъ стѣнамъ —
Кто отвелъ грозу удара?
Кѣмъ отброшенъ буйный Ляхъ?
Кто тебѣ былъ оборона
Противъ силъ Наполеона
Предъ Москвой, поникшей въ прахъ?

Вышній Сергія молитвѣ
Благодать свою явилъ,
Гордыхъ обезсилилъ въ битвѣ
И мечи ихъ притушилъ;
Какъ моленье вѣрой сильно!
Здѣсь отпрянулъ змѣй чумы,
И въ чреду свою обильно
Чудеса узрѣли мы.

И преданья вспоминаемъ :
Здѣсь Дмитрій предстоялъ,
Здѣсь его на брань съ Мамаемъ
Сергій самъ благословлялъ.
Здѣсь былъ вѣрный кровъ спасенья
Въ бурю надъ главою Петра,
И лились Царей моленья
Предъ Ходатаемъ добра.

И вознесши крестъ во длани,
Не отсюда ль звали рать
Діонсій, Авраамій,
Землю Русскую спасать?
На Волкушѣ (*) разсыпали
Злато, жемчугъ и серебро,
Храбрыхъ съ Мининымъ искали,
Жертвой возрасло добро.

(*) Гора.

Кто въ уединенномъ храмѣ
Средь обители святой,
Предъ гробницею, въ нишамѣ,
Преклоная, простертъ съ мольбой?
Авраамій, Келарь — старецъ,
Инокъ — витязь среди Вождей,
Мудрый мужъ, совѣтодавецъ,
Лѣтописецъ чудныхъ дней?

Кто подъ панциремъ, броней,
Скрывъ плеческую грудь,
Съ крикомъ: *Сергій!* рвется къ бою,
Черезъ рѣку, съ дружиной въ путь?
Авраамій, Келарь-старецъ,
Лѣтописецъ чудныхъ дней,
Мудрый мужъ, совѣтодавецъ,
Инокъ — витязь среди вождей! —

Кто потомству повѣствуетъ
Рядъ событій, рядъ чудесъ,
И Россіи указываетъ
Заступленіе Небесъ?
Возвратясь къ своей оградѣ,
Укрѣпясь въ своихъ стѣнахъ,
Пишетъ при ночной лампадѣ
О кровавыхъ дня трудахъ?

Кто враждующихъ смирляетъ,
Смуты родовыхъ Бояръ,
И во всѣ сердца вливаетъ
Къ роднѣ священный жаръ?
Кто отъ рати къ рати ходитъ,
Души соединять въ одну,
И на Русской тронъ возводитъ
Съ Михаиломъ тишину?

*

Нѣтъ его изображенья,
Памятника нѣтъ ему!
Онъ и самъ хотѣлъ забвенья,
Скрытъ въ пустынной дебри тьму,
Блескъ заслугъ отъ взоровъ свѣта;
По укроется ли онъ?
Слышу гласъ его обѣта,
Впжу бездны хладныхъ волнъ.

Море Бѣлое бушуетъ,
Волны ярыя крутитъ,
Вдругъ смприлось.... съ полдня дуетъ
Легкій вѣтръ; ладья летитъ,
Видашь старецъ въ ней маститый,
Волны ластятся ей въ слѣдъ.....
Авраамій знаменитый,
Къ Соловкамъ въ ладѣ плыветъ.

Тамъ, среди уединенья,
Старецъ, кто Россію спасъ,
Возносишь о ней моленья,
И съ мольбой о ней угасъ.
На гробницѣ печезаетъ
Древнихъ буквъ подъ мохомъ слѣдъ,
Но Россія прославляетъ —
Память Ангела побѣдъ.

Ризой шюка украшенъ,
Авраамій, образъ твой,
Миѣ мечтается близъ башенъ
При обители святой;
Крестъ внесла твоя десница,
Къ полю битвы кажетъ путь...
И слезами блещутъ лица,
И восторгомъ дышетъ грудь!

И отецъ разскажетъ сыну
Показуя образъ твой,
Какъ, ты въ бѣдствія годину,
Грудью, златомъ и мольбой
Былъ отечеству служитель,
Рагуя со стѣнъ святыхъ,
И съ Москвою спасъ обитель, —
Живъ ты въ подвигахъ своихъ.

Глава II.

Въ 1373 году, къ Великому Князю Дмитрію Ивановичу Донскому вызванъ былъ изъ Литвы нѣкто отъ властелиннхъ и благоплеменныхъ мужей рода Короля Еганла Ольгердовича Подольскія земли, воевода Панъ Иванъ Мнгулаевичъ, прозванный Палица;—опъ былъ весьма силенъ, храбръ и славенъ, дѣйствуя на бояхъ желѣзною палицею⁽¹⁾, — и пожалованъ отъ Великаго Князя честію, боярскими и многими вотчинами ⁽²⁾.

(1) Палица эта была вѣсомъ въ полпуда.

(2) Родословная грамота Палицыныхъ, находящаяся и до сихъ поръ у потомка Палц. Помѣщика Н. П. Палицына, въ Черяславскомъ уѣздѣ, въ селѣ Пустомъ. Это село издревле принадлежало Палицынымъ.

Отъ этого-то древняго дворянскаго рода произошелъ и незабвенный въ листахъ нашей Исторіи келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ. Его имя, какъ сподвижника ко спасенію Россіи отъ Поляковъ, стало въ ряду съ именами Гермогена, Діонисія, Мишина и Пожарскаго. На святое дѣло Русское онъ гремѣлъ тѣмъ же вдохновеннымъ, спасающимъ словомъ, какимъ напутствовалъ Преподобный Сергій Донскаго: словомъ молитвы, полной вѣры, надежды и любви. Вмѣстѣ съ Гермогеномъ и Діонисіемъ, Авраамій въ этомъ оружіи не зналъ побѣдителя, и Россія, по общимъ ихъ усиліямъ, легко *нашла* себѣ Мишина, *создала* Пожарскаго. Чудесная была эта семья спасителей нашихъ въ 1612 году!

Пошло въ ходъ наше великое дѣло освобожденія, и Палицынъ, какъ дворянинъ Русскій, какъ родовой, вѣчный солдатъ для отечества (такъ говоритъ о немъ преданіе)⁽¹⁾, и въ рясахъ отшельника, возсталъ съ другими отцами Православной Руси, опоясался правдою и началъ бороться съ современными недугами и безпорядками своего отечества.

Какъ превосходный ораторъ, онъ грозно и смѣло громилъ рѣчью приверженцевъ Лжедмитрія. Въ его время многіе почитали *Отрѣзова* подлиннымъ Димитріемъ. „*Да будетъ и такъ, «по ихъ глаголу»*“, — говорилъ Палицынъ: — „*по Царемъ ли «Московскимъ бытъ Царевичу, который такъ, или сякъ вы- «краденъ отъ насъ младенцемъ и къ Церкви Господней не «уготованъ нашею Церковью»*“. ⁽²⁾ Самъ вѣрилъ, и другихъ убѣждалъ съ жаромъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ, что

(1) Рукопись потомка Палицына — Генераль-Майора Александра Борисовича Палицына.

(2) Тамъ-же.

появленіе Лжедимитрія въ Россіи — игра Папы и сподвижниковъ его Нѣмцевъ и Поляковъ ; что тутъ дѣйствуетъ надежда Папы на богатые доходы съ Рускихъ отчинъ. Если поддадимся мы,—говорилъ онъ Царю Василию Шуйскому, — то православіе наше сгибнетъ, *колы не на всегда, то на мнози вѣщи!*(¹)

Царь Шуйскій, Долгоруковъ, Голохвастовъ, Архимандритъ Іоасафъ ; потомъ Трубецкой, Скопинъ Шуйскій, Лупуновъ, Салтыковъ и другіе, слушали Палицына, угадывали, ласкали, боялись ; сильная, святая рѣчь каждаго духовнаго оратора легко могла довести тогда всякаго къ Престолу Царскому, а онъ былъ простъ, народъ же Русскій издревле привыкъ повиноваться слову Пастырей.

Вѣра и молитва—твердый, адамаптовый камень для Россіи и ея народа. — Великій и Святый Сергій, а потомъ Авраамій, Гермогенъ, Діонисій—твердо знали это; эта истина была ихъ обрекомъ душевнымъ ; эту-же истину Александръ Благословенный и его люди вспомянули въ 1812 году.

Пламеннымъ словомъ, присутствіемъ своимъ въ пылу лютой битвы, подвергая жизнь свою на каждомъ шагу опасностямъ, Келарь Авраамій одушевлялъ воиновъ осажденныхъ, подкрѣпляя ихъ доставленіемъ имъ хлѣба, пороху, свинцу(**). *Господь съ нами и никто-же на ны!* гремѣлъ онъ вдохновеннымъ голосомъ : *Взяше оружія, пронзилъ сердца другъ другу и растшемся полема, и распчелся на части: и его же во вратѣхъ небесныхъ оправдитъ Господь, той есть творяій и глаголяій правду.* Когда среди страшнаго по-

(¹) Записки о мятежахъ Графа Толстаго.

(**) Карамзинъ, Т. 12-й его исторіи.

жарища московскаго, въ опаленныхъ стѣнахъ кремля, буйствовали Поляки,—когда Россію терзали и чужеземцы, и свои измѣнники,—въ стѣнахъ Сергіевской Лавры готовили спасеніе Россіи Архимандритъ Діонисій и Келарь Авраамій. Грамоты ихъ, одушевленные любовью къ отечеству, сзывали отовсюду Русскихъ на великій подвигъ освобожденія Россіи отъ враговъ. „*Люди Русскіе! Христіане православные!*“ писалъ Палицынъ: „*Бога ради положите подвигъ своего страданія, молитесь и соединяйтесь! Забудемъ всякое недовольствіе; отложимъ его и пострадаемъ о единомъ спасеніи отечества; смилуйтесь надъ видимою, смертною его погибелью, да непостигнетъ и васъ смерть лютая!*“

И этому глубоко-патріотическому и задушевному голосу вняли: купчина Мининъ, Князь Пожарскій, а за ними и весь Новгородъ; составились дружины и собрались въ 1612 году подъ стѣнами Троицкой обители, на которую *вся Россія взирала, яко на солнце!* Предъ мощами Великаго угодника Божія и ревнителя о благѣ Россіи Преподобнаго Сергія поверглись благоговѣнно доблѣи Христовы воители, и гѣмъ умирлась распря между Трубецкимъ и Пожарскимъ о первенствѣ въ начальствѣ*. И двинулось войско къ Москвѣ, куда спѣшилъ уже Хоткевичъ, а за войскомъ послѣдовалъ келарь Палицынъ, не щадя для потребностей ни монастырскаго, ни церковнаго имѣнія. Взбунтовались было казаки за невыдачу имъ жалованья,—знаменитый келарь-монахъ вывезъ имъ драгоценныя утвари и церковныя облаченія, устыдилъ ихъ подобнымъ предложеніемъ и отпадавшихъ привелъ къ раскаянію; — и дружно, и съ большимъ рвеніемъ понеслись

(*) Братк. Церк. Истор. Митроп. Платона.

они къ великому дѣлу—защиты родной земли (1). Грозовымъ словомъ остановилъ онъ смятенную дружину князя Трубецкаго,— „*Дети!*—вскричалъ онъ: *Люди православные! воины Христовы! стойте!*“ Они остановились. „*Воскликните—же, братіе: Сергій! и узрите славу Божию!*“ и они дружно бросились на враговъ съ крикомъ : *Сергій! Сергій! Сергій!* Это рѣшило побѣду Русскихъ надъ Поляками и участь Москвы и Россіи въ 1612 году 24-го Августа.

„*Келарь Авраамій Палицынъ,*“ пишетъ незабвенный Митрополитъ Московскій Платонъ, „*въ единыя Россіяны вѣрныя руки передалъ Москву. Онъ видя между ратными, избавлявшими Москву людьми раздоры, и несогласія, и склонность къ междоусобию, и справедливо опасаясь, чтобы все дѣло не погибло, ихъ примирялъ, ободрялъ, и даже къ примиренію ихъ, Троицкаго монастыря Церковныя и разныя вещи истощевалъ.*“ (2)

Подвигоположникъ и миротворецъ Авраамій, первый предложилъ Священному Собору и Синодиту о избраніи законнаго Царя на сиротѣвшій престолъ, и въ Москвѣ, на лобномъ мѣстѣ, краснорѣчивымъ словомъ своимъ вразумилъ народъ и бояръ избрать царемъ кроткаго, незлобиваго, умнаго юношу, близкаго дѣлу родному—Михаила Федоровича Романова.

По совершеніи великаго и безсмертнаго дѣла спасенія отчизны отъ литвы, когда Россія перестала страдать отъ смуть и несогласій, и водворились въ ней миръ и спокойствіе, и начала разцвѣтать она, какъ красавица дѣва, послѣ тяжкихъ ранъ и смертоносной болѣзни,—Келарь Авраамій поже-

(1) Словарь историч. Евгенія.

(2) Смот. Жизнь Митр. Платона, соч. И. М. С-ва. Москва.

лалъ отдохнуть отъ заботъ житейскихъ, и по обѣту постриженниковъ Соловецкихъ, избралъ мѣстомъ успокоенія своего, поста и молитвы Соловецкую пустынь. На что въ 1621 году послѣдовало дозволеніе Царя Михаила Феодоровича (1).

Съ величайшею горестью разставались жители Сергіевскаго посада съ любимымъ своимъ келаремъ—Патріотомъ; толпами стекались Москвитяне провожать *старца доблаго* и провожали его до Ростова, до Костромы, до Вологды. Припавши въ послѣднее съ умиленіемъ къ мощамъ преподобнаго Сергія, Авраамій горько заплакалъ, и сказалъ: „*Облѣтъ миль не преложенъ, кончина моя обречена на средѣ волмы морскія!*“ Предчувствіе сбылось! (2)

И такъ, великій сподвижникъ за спасеніе Россіи, мужъ незабвенный въ Русской Исторіи, устроившій спокойствіе въ своемъ отечествѣ и видѣвшій утвержденіе престола Россійскаго, монахъ Палицынъ уклонился на берега Бѣлаго моря, чтобы мирно и благочестиво кончить дни свои въ той отдаленнѣйшей изъ пустынь, гдѣ онъ духовно отродился, и гдѣ судьбѣ угодно, съ его заповѣдными для насъ бумагами, сохранить мечъ Пожарскаго, какъ бы въ ознаменованіе, что слово одного и мечъ другаго соединились для спасенія Россіи, и что онъ неразлученъ съ могилою Палицына, которая пріосѣнена уже двумя вѣками.

И Пожарскій, и Палицынъ жили отечественною жизнью;

(1) Въ Соловецкомъ монастырѣ сохранился псалтирь Палицына. Въ немъ, на одномъ листѣ написано: Псалтирь старца Авраамія Палицына прожившаго въ Соловкахъ на своемъ обѣщаніи, пдѣже постриженъ по трудѣхъ на поковъ лѣтъ седмъ. Смот. Геогр. Истор. и статис. описаніе Соловецкаго монастыря, изд. 1836 года.

(2) Записки Генералъ Маіора Палицына.

отыскивать не остывшіе еще слѣды этой жизни, значить обновлять ее—достойную Христіанина и Гражданина.

Кто-бы подумалъ, кто-бы повѣрилъ, что прахъ Геніальнаго келаря опочиваетъ въ Соловецкой обители, гдѣ въ ризницѣ хранятся мечи *Скопина—Шуйскаго* и *Пожарскаго*, которыми они защищали свое отечество и разили враговъ его?⁽¹⁾ Какое стеченіе случайностей!

Авраамій скончался въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1627 году, 13 сентября, въ глубокой старости.

Въ томъ-же году Царь Михаилъ Феодоровичъ прислалъ къ Соловецкому Игумену Макарію особую грамоту о погребеніи честно *честнѣйша старца* отца Авраамія. Грамота эта именно говоритъ, что „*Авраамій былъ въ Соловки присланъ по его желанію скончатъ тамо жизнь*“.

Братство Соловецкой обители учредило „*по старцу Аврааміи Палицынѣ быти поминовенію и—столу на братію съ бѣлымъ хлѣбомъ, каждегодно сентября въ 13 день*.“⁽²⁾

Въ 37-ми верстахъ отъ Троице-Сергіевскаго монастыря, въ Переяславскомъ уѣздѣ есть село: *Рождество—пустое*; въ немъ древняя деревянная церковь. Это село съ незапамятныхъ временъ принадлежало Палицынымъ и получило прозваніе—*пустое*—потому, что Ляхи въ 1611 году *опустошили Святый Храмъ*, — а главное — похитили мѣстный образъ Рождества Пресвятыя Богородицы.

У помѣщика этого села Н. П. Палицына до сихъ поръ

(1) *Примѣч.* Палашъ Князя Скопина и сабля Князя Пожарскаго въ серебряныхъ оправахъ съ камнями, даны вкладу на память въ Соловецкій монастырь. *Архиманд. Діонисій, Настоят. Соловец. обители.* —

(2) Кормовыя книги Соловецкой обители. —

сохранена грамота о происхождении фамилии Палицыныхъ. На грамотѣ изображенъ фамильный гербъ, щитъ котораго раздѣленъ на двѣ половины—одна голубаго, другая краснаго цвѣта: въ одной половинѣ виденъ орелъ въ золотой коронѣ и съ золотымъ клювомъ, а въ другой всадникъ съ Палицею.

Въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ, среди обширной площади, величаво красуется обелискъ, на которомъ изображены безсмертные подвиги келаря Авраамія Палицына; этимъ обелискомъ почтилъ монаха Авраамія великій и незабвенный Святитель Московскій Митрополитъ Платонъ.

К О Н Е Ц Ъ .